

ВНЕДРЕНИЕ ПОНЯТИЯ "НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ СССР"

В конце июля 1988 г. по распоряжению Эдуарда Шеварднадзе было созвано собрание аппарата Министерства иностранных дел для обсуждения итогов только что закончившейся XIX партийной конференции.¹ Предстояло поговорить о многом - ведь Михаил Горбачев обнародовал на этой конференции свои планы создания новых законодательных органов, начав тем самым продолжающееся и по сей день перераспределение институциональной власти. Обращаясь к своим коллегам, Шеварднадзе и сам объявил о важном нововведении: отныне советская внешняя политика будет направляться новой концепцией, которую он торжественно определил как "массив жизненно важных категорий", во весь рост стоящих перед советской дипломатией. В основу этой концепции заложено понятие национальных интересов.²

Необычно драматическое обнародование этого весьма обычного на Западе понятия было попыткой выйти из тупиков советской дипломатии - практического и теоретического. Наиболее известен провал международной политики брежневской эры: по мнению нового руководства тогда лишь впустую тратились ресурсы страны, а результатом было объединение ведущих государств мира в прочную антисоветскую коалицию. Отсюда вытекал четкий однозначный вывод: эта политика не служила "национальным интересам" Советского Союза.

К середине 1988 г. критические высказывания по поводу прошлого уже были в центре советской политической риторики, и особая значимость речи Шеварднадзе состояла не в том, что этот критицизм прозвучал в ней еще раз. Куда важнее была попытка изменить ту систему понятий, в которых отныне следовало оценивать и прошлую и будущую политику. Было

очевидно, что руководство нуждалось в новом политическом словаре, в терминах которого оно могло бы оценивать - и оправдывать - перемены в международной роли Советского Союза. Заявив о "национальных интересах", Шеварднадзе открыл дорогу широкомасштабному обсуждению принципов и целей, которым предстояло отныне служить ориентирами для самой вооруженной в мире державы средней категории, отказавшейся от империи и идеологии.

Предшественники

Работа по изобретению терминологии для критики брежневских достижений началась с приходом к власти Горбачева в 1985 г., а отчасти даже раньше. Эта терминология быстро стала известной как "новое мышление", лозунги которого имели привкус довольно легковесного, а часто даже раздражающего или дразнящего благолепия. По словам нового советского посла в США Александра Бессмертных, речь шла ни больше ни меньше чем о переходе от "эгоизма" к "альтруизму". Советский Союз заявил о своем обращении к "общечеловеческим ценностям", о принятии целей, включающих, как было заявлено, предотвращение всеобщего ядерного уничтожения и экологической катастрофы, помощь в экономическом развитии беднейшим народам мира и т.д. Подобные похвальные пожелания не были, возможно, полностью бессмысленными (и действительно способствовали принижению роли марксизма-ленинизма), но преподносились они в столь общей форме, что было трудно поверить в возможность их превращения в практическое руководство для тех, кто делал реальную политику. Более того, усилия Запада понять истинный смысл этих риторических упражнений о Земле как едином космическом доме всего человечества обычно оказывались бесплодными. Казалось, советские дипломаты были проинструктированы говорить о том, что, выражаясь метафорически, все мы сидим в одной лодке, но при этом не были снабжены дополнительными указаниями относительно того, что же именно означала эта метафора.³

Основная сущностная проблема, возникшая в связи с

советским акцентом на общечеловеческие ценности, состояла в том, что этот самый акцент не мог ничего сообщить о всех прочих ценностях. В итоге он давал мало информации, как Советский Союз будет рассматривать будущие конфликты его интересов с интересами других государств. Это обстоятельство создавало более серьезную трудность, нежели вопрос о том, искренен ли Горбачев в своих призывах к "новому мышлению" и разделяет ли его взгляды советское руководство в целом. Сама бесцветность рисуемой Горбачевым перспективы делала проблему искренности не столь уж важной. Никто из консервативных обладателей высоких постов в системе государственной безопасности не должен был особенно беспокоиться, не сделает ли новое мышление, по крайней мере, в его раннем варианте, его услуги менее нужными. Нет сомнения, что военные испытывали некоторые неудобства от идеи "взаимной безопасности", но они не были обязаны открыто выступать против нее и не делали этого. В конце концов, какие-то интересы, скажем, предотвращение ядерной войны, и в самом деле всеобщие и не могут быть обеспечены одной стороной в ущерб другой. Но признать это еще не значит допустить, что и иные, более узкие и специфические интересы могут или должны удовлетворяться тем же способом. Кому должны принадлежать Курильские острова - Японии или Советскому Союзу? Должна Германия входить в НАТО или в Варшавский договор? Проблемы такого рода неизбежно становятся предметом конкуренции с "нулевой суммой", когда чей-то выигрыш автоматически означает проигрыш другой стороны.

Пока дебаты в Советском Союзе не привели к решению нелегкой проблемы проведения различий между всеми многочисленными интересами, можно было полагать, что практическая политика будет приспосабливаться к ним постепенно, в процессе решения конкретных задач, и с небольшим кумулятивным эффектом. Как подметил недавно один из членов Центрального комитета, гениальность "нового мышления" состоит как раз в том, что никто не может оспаривать его - но это же самое обстоятельство ослабляло его воздействие. "Общечеловеческие ценности" обрисовывали

новый международный порядок, при котором государства действовали бы в сотрудничестве друг с другом, но, однако, не содержали указаний, как самому Советскому Союзу надлежит вести себя на международной арене.

Напротив, термин "интересы" создавал систему координат, в которой односторонние советские действия, включая и односторонние уступки, могли иметь определенный смысл. Это было его важным преимуществом для руководства, намеревающегося перестроить свою внешнюю политику. Сейчас мы знаем, что шаги в этом направлении обдумывались уже в первые месяцы после выступления Шеварднадзе. Объявленные Горбачевым в его речи на сессии ООН в декабре 1988 г. сокращения вооружений были представлены миру как воплощение "общечеловеческих ценностей", но в советских высших сферах они, несомненно, рассматривались с точки зрения его интересов.

Обнародовав идею "национальных интересов", Шеварднадзе тем самым ввел в обиход термин, которому в течение десятилетий почти не было места в советском политическом языке. В тех случаях, когда советские руководители использовали этот термин, они относили его не к собственной стране, а к другим государствам, и обычно ему придавалось уничижительное значение. Например, Андрей Громыко в своих ежегодных выступлениях на открытии сессий Генеральной Ассамблеи ООН часто упрекал американцев за их склонность возводить даже маловажные дела в ранг "жизненно важных национальных интересов", что, как он заявлял, делалось произвольно, неуважительно и не имело реального смысла. Никита Хрущев использовал это выражение в предупреждениях правительствам, сотрудничавшим с Соединенными Штатами или разрешавшим разместить американские базы на территории своих стран. Он заявил, что в случае войны (и тут он апеллировал к воображаемым сценам массовой гибели) результат не был бы, так сказать, в "интересах" США.

Довольно неожиданный пример использования этого термина дал малопочитаемый ныне Леонид Брежнев в речи на

XXIV партийном съезде в 1971 г. Он заявил, что Советский Союз никогда не пожертвует своими национальными интересами. Целью этого замечания было дать отпор ехидным намекам Мао и других китайских руководителей, что Москва не соблюдает своего долга перед мировой революцией. Несмотря на свою нынешнюю репутацию сторонника "старого мышления", Брежнев в том случае встал на вполне современную точку зрения: нельзя позволять идеологии направлять политику в сторону, противоречащую интересам советского государства.

Аналогичное противопоставление идеологии и интересов можно усмотреть и у Горбачева, использовавшего последний термин еще до его появления в 1988 г. в речи Шеварднадзе. Горбачев часто цитировал известные слова лорда Пальмерстона, что государство не может иметь ни постоянных друзей, ни постоянных врагов, но одни лишь постоянные интересы - с тем, конечно, подтекстом, что советские интересы по сути ничем не отличаются от интересов любого нормального государства, что они "идеологизированы". Однако кроме этого постоянного рефрена он мало что мог сказать о том, в чем же все-таки состоят советские интересы. Горбачев постоянно настаивает, что споры между государствами должны разрешаться на основе "баланса интересов" - этот принцип освящает компромисс в качестве одного из рабочих правил советской внешней политики, но не определяет самих интересов, относительно которых должен быть достигнут баланс.

Подход Шеварднадзе был более радикальным. Отнюдь не рассматривая национальные интересы в качестве чего-то постоянного, он представил их сотрудникам Министерства иностранных дел как "катеорию очень подвижную, динамичную, постоянно меняющуюся". При этом он совсем не стремился, как можно было бы заподозрить, просто обойти трудную задачу с помощью подходящей дефиниции. Он признавал, что политически смысл этого термина уже просился в руки, что он был законным предметом для дискуссий того же рода, которые гласность привнесла в другие аспекты советской жизни.

В этом и была цель развернувшихся впоследствии споров о национальных интересах: изменить смысл этого понятия в ходе поисковых определений.⁴ Здесь выделяются три главных нововведения: во-первых, отказ от политики прошлого в пользу более скромных целей. Во-вторых, снятие покрова закрытости с процесса формулирования внешней и оборонной политики. И в-третьих, готовность уважать международное общественное мнение. Первое из них, минимализм, сузило сферу советских внешнеполитических интересов. Второе и третье - плюрализм внутри страны и чувствительность к мнениям извне - расширили ряды тех, чьи взгляды и суждения подлежали учету при определении разумной и жизнеспособной системы советских внешнеполитических целей.

Минимализм

В нынешнем процессе анализа национальных интересов Советского Союза сами эти интересы постоянно пересматриваются - в полном соответствии с приведенным выше замечанием Шеварднадзе. При этом все изменения происходят исключительно в направлении понижения. Задаваясь вопросом, в чем состоят подлинные национальные интересы страны, советские руководители неизменно приходят к выводу, что сфера таковых куда скромней, чем это было принято думать в прошлом.

Истоки этого заключения лежали в переоценке окружения Советского Союза - иначе говоря, в переоценке природы капитализма. В прошлом советская политика часто оправдывалась необходимостью противостоять его "враждебному окружению". Более спокойная оценка мотивов и действий стран со свободным предпринимательством и стала стартовой точкой для полного пересмотра стратегии. Конечно, Хрущев и Брежнев задолго до того объявили, что растущая мощь Советского Союза и его союзников сделала ядерную войну не неизбежной. Горбачев, однако, предложил куда более глубокое доктринальное нововведение. В выступлении на заседании ЦК КПСС в феврале 1988 г. он ясно заявил, что, с его точки зрения, уже нельзя утверждать, что

внутренняя динамика капитализма автоматически приводит к империализму. Западные корпорации на собственном опыте обнаружили, что они могут успешно вести дела по всему миру без поддержки их действий агрессивной внешней политикой. В своем большинстве они получают доходы вне зависимости от роста военных бюджетов и, в любом случае, западные демократические институты держат любую потенциальную "партию войны" под строгим контролем.

Нужно сказать, что эта новая оценка не была внезапным пробуждением от растянувшегося на десятилетия кошмара уязвимости и постоянных опасений. Ее подлинным итогом было разрушение предлагавшихся обществу аргументов в поддержку советской военной мощи и амбициозной внешней политики. Могущество СССР перестало быть единственным ключом к миру, поскольку капитализм, как наконец-то выяснилось, *сдерживает себя сам*.

Воздействие этого "открытия" было очевидным в великом множестве отношений, включая смягчение тональности высказываний советских официальных лиц по проблемам безопасности. Виктор Карпов, заместитель министра иностранных дел, отвечающий за контроль над вооружениями, стал защищать новый психологический подход к международным отношениям. Его благотворный урок состоит в том, что никому не следует гнаться за новыми врагами. В одной из прошлогодних телевизионных дискуссий комментатор газеты "Известия" Александр Бовин озадачил своих партнеров, предложив им перечислить существующие ныне источники внешней опасности для Советского Союза.

В этом безопасном новом мире ощутимо поскромнели и представления относительно требующихся размеров советских вооруженных сил. В 1988 г. Шеварднадзе заявил, что стремление достичь равенства с объединенными силами всех потенциальных противников наносило вред национальным интересам Советского Союза. Эта формулировка (которая, строго говоря, все же оставляла открытой возможность, что Советскому Союзу следует обладать наибольшим военным

могуществом по сравнению с *любой другой державой*) с тех пор успела уступить место другим, еще дальше отходящим от традиционных взглядов, прежде всего в том, что уже не заявляются претензии на военное равенство с Соединенными Штатами. Советские официальные лица сейчас не жалеют усилий и времени, исправляя то, что эксперт по американским делам из Министерства иностранных дел Н.Н. Спасский назвал деформациями советских представлений о паритете. Согласно аргументам из его статьи, помещенной в июльском за 1989 г. номере журнала МИДа "Международная жизнь", Советский Союз должен преодолеть былое убеждение, что коль скоро будет достигнут военный паритет, он будет в состоянии делать все, что делают "они".

Кроме всего прочего, "новое мышление" стало основанием для одностороннего выхода СССР из гонки вооружений. Очевидно, ухудшение советской экономики и концентрация внимания руководства на внутренних делах и проблемах придали убедительность разъяснениям аргумента, что страна может позволить себе сократить расходы на вооружения без серьезного риска. Во многих аналитических работах советских авторов этот вывод формулировался в еще более сильной форме: отказ от таких сокращений причинил бы огромный вред Советскому Союзу. В статье заместителя начальника управления международных организаций Министерства иностранных дел Андрея Козырева, которую советские дипломаты рекомендовали американским официальным лицам и которую как будто бы очень высоко оценил Шеварднадзе, описан вред, причиняемый делу международного доверия, когда какие-либо государства раздувают свои военные ресурсы за рамки потребностей, диктуемых их национальными интересами.⁵ Более того, автор утверждает, что национальные интересы СССР требуют меньших в сравнении с другими державами военных усилий. Советская безопасность может быть обеспечена войсками, охраняющими границы, в то время как Соединенные Штаты и Япония зависят от надежных поставок энергоносителей из-за границы и, следовательно, от морского превосходства. Это признание особых военных потребностей Запада необычно

само по себе, но еще важнее, что оно оправдывает мировую роль Соединенных Штатов, а советскую представляет в более скромном свете. Окончательный вывод прост и впечатляющ: у СССР нет интересов, оправдывающих использование военных ресурсов за пределами границ социалистического содружества.

Козырев критиковал также советскую политику прошлых лет в "третьем мире", указывая, что автоматическая поддержка всех и всякого, кто конфликтовал с Западом, лишь возбуждала недоверие к советским побуждениям. В основе этой поддержки лежало, по его словам, глубокое непонимание конфликтов между Западом и развивающимся миром. С точки зрения Козырева, проблемы последнего сводились прежде всего к недостаточному, а отнюдь не чрезмерному развитию там свободного предпринимательства. Увиденную в этом свете политику Соединенных Штатов по отношению к развивающимся странам вряд ли можно назвать политикой подавления. Напротив, трения между США и "третьим миром" должны, писал Козырев, разрешаться с учетом интересов обеих сторон, и Советский Союз должен стоять в стороне от этих конфликтов. Факт, который Москва долго отказывалась признать: что интересы Запада в "третьем мире" несравненно шире и глубже интересов Советского Союза.

Другие советские официальные лица сделали мишенью мировую роль СССР, которой похвалялись Брежнев и Громыко, когда провозглашали, что ни одна важная проблема международных отношений не может быть решена без советского участия. Нужно сказать, что в этой саморекламе не чувствовалось особых идеологических амбиций, и в то время многие на Западе в действительности рассматривали ее как доказательство перенесения акцента советской дипломатии на внутрисоветские дела. Как заявляли сторонники этой точки зрения, Москва больше всего жаждала знаков признания ее статуса и ее полноправного участия в мировых делах, что и символизировалось местом за столом переговоров. В сегодняшнем Советском Союзе, напротив, эта дипломатия по всем азимутам воспринимается как бездумное копирование

Запада. В сентябрьском выпуске журнала "Коммунист" за 1989 г. сотрудник Международного отдела ЦК КПСС Игорь Малашенко предостерегал против попыток добиваться равенства во всем.

"Сегодня, как представляется, мы можем достаточно безболезненно "выключиться" из навязанной нам войны за "сферы влияния" в регионах, не имеющих реального значения с точки зрения нашей безопасности. Наши интересы не пострадают и в том случае, если даже американскому руководству не удастся политический шаг. Как тратят свои национальные ресурсы американцы - это их дело".⁶

Авторы такого рода аналитических исследований не останавливаются и перед наисмелейшим из выводов: Советский Союз фактически не способен существовать в качестве сверхдержавы, а попытки сохранить этот статус не приносят ему ничего кроме вреда. Влиятельный автор ряда статей по оборонной политике Андрей КОРТУНОВ настаивает, что погоня за статусом сверхдержавы мешала Советскому Союзу вести себя как великой державе, национальные цели которой не сводятся лишь к желанию добиться паритета со своим соперником. Бесплодное соперничество с Соединенными Штатами втягивает Москву во внешнеполитические союзы, не служащие никаким видимым интересам за исключением лишь одного - достижения маловажного, практически лишь внешне-го дипломатического паритета. Для чего, например, поддерживать тесные связи с Северной Кореей, если Южная Корея способна предложить куда больше? (Кортунов винит Горбачева в лозунговом использовании идеи общечеловеческих ценностей. По его мнению, она успела превратиться в новую "догму", препятствующую более содержательному обсуждению национальных интересов.)

Но принять большую роль Америки в "третьем мире" - это совсем не то же самое, что принять такую же ее роль в Восточной Европе. Западные аналитики с полным основанием

задавались вопросом, сможет ли эта переоценка советских интересов стать настолько широкой, чтобы включить Организацию Варшавского договора? В конце концов, даже авторы самых радикальных переоценок советских интересов, такие как, например, Козырев, в отношении переоценки интересов, оправдывающих применение силы, все же делали исключение для "социалистического сотрудничества".

Тем не менее когда в конце 1989 г. произошло крушение правящих групп в странах советского блока, советские официальные лица тут же выступили на сцену с объяснениями, что для Советского Союза их падение было, если использовать слова Шеварднадзе, несомненным и безусловным благом. В феврале 1990 г. он заявил канадскому парламенту:

"Хочу прямо сказать: тут нет попытки делать хорошую мину при плохой игре. Наш национальный интерес, наш исторический и даже повседневный интерес состоит в том, чтобы государства - наши соседи были стабильными и процветающими. От этого мы только выиграем".

Таким образом, советские интересы, имевшие ранее преимущество перед интересами соседей, теперь стали выводиться из процветания и благополучия других стран. Месяцем позже Шеварднадзе зашел еще дальше, сказав, что Советский Союз разделяет нередко выказываемое на Западе беспокойство по поводу возможной временности отступления коммунизма в Восточной Европе. Как он заявил своему советскому интервьюеру, именно поэтому существенно, чтобы перемены в регионе набирали импульс и сделались необратимыми. Что же касается советских интересов, то демократическая Восточная Европа будет их лучшим защитником.

Разумеется, все эти теплые пожелания сопровождалось попытками спасти хоть что-то из того, что казалось все более односторонним прекращением холодной войны. В частности, проблема германского членства в НАТО стала фокусом

предпринимаемых на Западе и Востоке маневров, от которых должен был зависеть окончательный вид нового европейского порядка. Однако и здесь не было недостатка в советских заявлениях, указывавших на отсутствие твердости и решимости. Проректор Дипломатической академии Министерства иностранных дел СССР заявил газете "Нью-Йорк Таймс" в ноябре 1989 г.:

"Если правительства восточноевропейских стран желают этого, мы должны вывести наши войска с их территорий. Мы даже можем сделать это в одностороннем порядке. Что же касается американских частей, то решение этого вопроса я бы оставил западноевропейским правительствам. Я знаю, что некоторые круги в Западной Европе считают наличие американских войск фактором укрепления их безопасности. Такую позицию можно понять - так что пусть все остается по-прежнему".

Пока советская политика выдвигала одно за другим экспериментальные предложения относительно "порядка европейской безопасности", долженствующего придти на смену обоим европейским союзам - НАТО и ОВД, многие комментаторы утверждали, что сохранение военного равновесия вообще не следует считать той целью, достижения которой Советскому Союзу следует добиваться. Вячеслав Дашичев, который сегодня, вероятно, является известнейшим из советских специалистов по истории дипломатии, в марте объяснил газете "Ди Вельт", что сама идея подобного равновесия была пережитком холодной войны. По его словам, у СССР больше нет никаких экспансионистских целей. "Что же касается угрозы с Запада, то в его агрессивные намерения уже никто более не верит". Во всяком случае, надежды на возможность удержания Германии вне НАТО "нереалистичны".

Военная опасность со стороны объединенной Германии оспаривается и другими авторами. Даже посол Бессмертных (тогда - первый заместитель министра иностранных дел) заверял советскую телеаудиторию, что интересы СССР будут

защищены сдержанностью Запада.

"Администрация Соединенных Штатов осознает, что во всех своих действиях в Восточной Европе она должна постоянно помнить об определенной границе, которую не следует переступить. Где пролегает эта граница и чем она определяется? Прежде всего, она определяется интересами самих этих государств, и государства эти в своих отношениях со всеми другими государствами должны проявлять должную осмотрительность и здравый смысл. Она определяется также интересами Советского Союза, интересами других соседних государств и интересами европейской стабильности".

Рассчитывая на здравомыслие своих партнеров, советские представители постоянно сужали диапазон условий, подлежащих выполнению в процессе урегулирования германской проблемы. Все более частые ссылки на сдерживающий характер общественного мнения (Горбачев в своем интервью газете "Правда" обратился к немцам с призывом уважать не только интересы, но и чувства других народов) обеспечили, возможно, западным лидерам определенные дополнительные симпатии общественного мнения, о чем они всегда заботятся. В то же время гипотеза, что Москву интересовала лишь формула, которая обеспечила бы сохранение лица внутри страны, очевидным образом ослабляла позиции СССР за столом переговоров.

Стремление советских политиков выйти из состояния военного и дипломатического противоборства проявляется настолько откровенно, что стоит задуматься, не будет ли теперь эта страна воздерживаться от любой конкуренции? Когда Хрущев сказал (не вполне искренне), что мирное сосуществование следует рассматривать в качестве одной из форм идеологического состязания для определения наилучшей общественной системы, он несомненно имел в виду, что Советский Союз должен бороться за первенство из всех сил. Какие-то отзвуки этой идеи заметны и в нынешних дебатах.

Например, Шеварднадзе в 1988 г. сказал сотрудникам Министерства иностранных дел, что "наш главный национальный интерес" - показать, что социализм, стимулируя наивысшую производительность труда, "может дать человеку больше, чем любая другая социополитическая система". Приводя в подтверждение этого положения обычные цитаты из Ленина, он утверждал, что... национальная безопасность СССР должна рассматриваться "только в таком сопряжении". По его словам, Советский Союз будет стремиться к первенству в интеллектуальной и культурной сфере, чтобы вывести советское общество на роль мирового лидера в выдвижении инновативных идей".

Такие наивные сантименты вряд ли годятся для определения задач внешней политики. Если в них есть хоть какой-то практический смысл, то он состоит, вероятно, в предложении дополнительных аргументов в пользу политического и военного самоограничения путем отыскания более безопасной и менее антагонистичной формы соперничества между Востоком и Западом. Общий тонус нынешних советских дебатов может быть охарактеризован тем фактом, что их участники высказывают еще более минималистскую точку зрения. Они считают, что если уж Советский Союз всерьез осуждает международное соперничество, то не следует прибегать ни к каким спасительным оговоркам. Согласно Козыреву, выдвижение "целей экономического, идеологического или военного превосходства" способствует, как известно, поощрению военных авантюр и тем самым "подрывает доверие". Поэтому необходимо подвергнуть тщательному анализу "весь спектр политики и практики", чтобы не осталось никаких сомнений, что он не содержит ничего провокационного. Другой комментатор, Малашенко, интерпретируя официальную позицию по поводу роли Советского Союза в мировой экономике, оценивает ее как весьма скромную. Пройдет немало времени, пишет он, прежде чем Советский Союз будет готов к полноценному сотрудничеству с наиболее развитыми капиталистическими странами.

Возможно, лучше всего всеохватность минимализма советского внешнеполитического мышления проявилась в мимолетном замечании ближайшего союзника Горбачева в Политбюро Александра Яковлева. "Я просто не в состоянии понять, - заявил он в январе 1989 г. журналу "Шпигель", - почему одна держава должна стремиться быть важнее другой". Даже если эта фраза простовата, в ней заключается важная мысль. И тоном, и содержанием она напоминает знаменитый крик души Генри Киссинджера: "Что же это такое, Боже мой, стратегическое превосходство?". Оба эти деятеля, пытаясь определить более достижимые реальные (т. е. более скромные) национальные роли своих стран в современном мире, испытали отчаяние от непонимания очевидной разумности их подхода защитниками более амбициозных и конкурентных политических курсов, несмотря на очевидную рискованность и дороговизну последних.

Плюрализм

Получив возможность открыто обсуждать проблему национальных интересов, советская элита заявила о своем недовольстве политикой, которая проводилась не только в прошлом, но и в настоящем. Однако несмотря на радикализм этих споров, вряд ли можно сказать, что в итоге появилось новое недвусмысленное определение советских интересов. Чтение речей, статей, коммюнике и сообщений не прояснило предмет спора.

Несомненно можно найти немало причин этой незаконченности дебатов о национальных интересах. Составление полного списка таковых всегда интеллектуально трудная задача, а часто, к стати, политически непродуктивная. Чем точнее определение, тем больше можно выставить возражений против той или другой конкретной цели. Что особенно важно, фундаментальное переопределение национальной политики - это прежде всего вопрос выигрыша не спора, а власти. Преодолев старые концепции, реформаторы еще должны победить те институты, которые действовали на основании этих концепций.

В силу этого не вызывает удивления, что определение советских национальных интересов вышло за рамки вопроса об их формулировании и сдвинулось к вопросу о том, кто именно эти интересы определяет. Советский опыт в этом отношении аналогичен борьбе вокруг определения роли Америки в мире, развернувшейся во время войны во Вьетнаме и после нее. Долговременный эффект этих дебатов оказался скорее политическим, нежели концептуальным: произошло перераспределение власти между исполнительной и законодательной ветвями государственного управления, а также между этим управлением и внешними по отношению к нему группами давления. С того времени стратегические концепции неоднократно менялись, а диффузия власти внутри американской системы сохраняется.

Стремящиеся институционализировать более скромный набор советских внешнеполитических целей знают, от чего зависит их успех. Как писал Малашенко в "Коммунисте", "едва ли нам удастся создать эффективный механизм обеспечения национальных интересов до тех пор, пока общественность не получит реальную возможность судить о положении дел в этой области и участвовать в гласном демократическом обсуждении вопросов внешней и военной политики".⁸ И так, судя по всему, изменения в осознании национальных интересов были порождены демократизацией процесса принятия решений. Намек на изменения содержится и в предложении Шеварднадзе об объединении науки и дипломатии. В прошлом подобное утверждение значило бы практическое применение марксистско-ленинской теории. Сегодня это означает учет мнений специалистов из исследовательских центров, авторов газетных публикаций, экспертов по общественному мнению и консультантов.

В реформировании механизмов принятия политических решений в Советском Союзе ключевым событием стало решение Горбачева расширить прерогативы законодательных органов и, что еще важнее, заполнять их посредством свободных выборов. Хотя в выступлении Горбачева на XIX

партийной конференции в 1988 г., где были подробно изложены планы этих реформ, практически ничего не говорилось об их ожидаемом воздействии на внешнюю политику, последовавшая вскоре речь Шеварднадзе перед сотрудниками МИДа не оставляла сомнений, что, по его мнению, военные должны были стать главной жертвой новой политики. И сам Шеварднадзе, и его заместители с очевидным удовольствием предсказывали усиление законодательного контроля над военным бюджетом, за доктринами, планами и операциями военных. Ошибки прошлых лет приписывались при этом той секретности, в которой принимались решения, особенно военные - теперь с этой практикой наконец-то предстояло покончить.

Если оценивать эту попытку лишь на основе публичной риторики, она привела к ошеломляющему успеху. Уже первая избирательная кампания породила и легитимизировала антивоенные эмоции и суждения, которым не было места на предыдущих этапах гласности. Во время избирательной кампании 1989 г. не было лучшего способа сорвать аплодисменты, чем обещать сократить военный бюджет, и многие кандидаты взяли на себя обязательство добиваться принятия законов о парламентском голосовании по поводу отправки советских войск за рубеж - по очевидной аналогии с законом США о военных полномочиях президента. Эта новая атмосфера поставила представителей вооруженных сил в явно невыгодное положение: представляя военный бюджет на 1990 г., заместитель министра обороны признал, что престиж вооруженных сил упал до самой низшей за всю советскую историю точки.

Министерства иностранных дел и внешней торговли, наблюдая этот спектакль, могли испытывать некоторое удовольствие, но открытости и финансовой отчетности стали требовать и от них. Одно из типичных требований перед выборами Съезда народных депутатов СССР было выдвинуто Геирихом Боровиком, председателем официально поддерживаемого Комитета защиты мира, который призвал к обязательному телевизионному освещению всех важных

решений - в дипломатии, во внешней торговле, в определении размеров помощи иностранным государствам и т.п. Как он заявил в своем интервью "Неделе" в феврале 1989 г., развившийся при предшественниках Горбачева бюрократический плюрализм при закрытых дверях не соответствовал потребностям страны, он лишь поощрял "коллективную безответственность и коллективное равнодушие. Надо уйти от анонимности! Именно для того, чтобы автор того или другого непродуманного шага знал: имя его будет связано с этим шагом".⁹

Предвыборная риторика, однако, не то же самое, что действенная система ограничителей и противовесов, и многие великие надежды и ожидания, связанные с деятельностью новых законодательных органов, принесли очевидные разочарования. Георгий Арбатов, известнейший из советских американистов и народный депутат СССР, недавно жаловался в либеральном журнале "Огонек", что военные дела по-прежнему закрыты для контроля извне, включая надзор Комитета Верховного Совета СССР по обороне и государственной безопасности.¹⁰ Председатель этого комитета высказался в том же духе, признав, что он и его коллеги не в состоянии принудить соответствующие министерства предоставлять им необходимую информацию.

Однако даже если эти проблемы сохранятся, все-таки имеются признаки политических перемен. Горбачев, в выступлении при вступлении в должность президента, обещал никогда не посылать войска за рубеж без предварительного согласия парламента. Нет сомнения, что это его заявление было сделано, чтобы законопроект о военных полномочиях не вышел за рамки комитета и тем самым было предотвращено формальное посягательство на его президентские полномочия. Однако сама необходимость заявить о своей позиции в данном вопросе означает, что эти полномочия пока что четко не определены.

Подобный намек на политический конфликт относительно помощи другим странам содержался в докладе о

международном положении, сделанном в октябре 1989 г. Шеварднадзе на заседании Верховного совета. Этот отчет (который, как предполагается, будет делаться ежегодно) он представил как свидетельство укрепления сотрудничества между его министерствами законодателями. Новсе же министр иностранных дел, отступив от своего обычно реформистского стиля, прочитал депутатам короткую и суровую лекцию о необходимости соблюдать обязательства по отношению к друзьям и союзникам. Если бы Москва внезапно урезала помощь другим странам, сказал он, доверие к Советскому Союзу было бы заметно ослаблено.

Эти замечания почти не отличались от показаний в Конгрессе какого-нибудь американского министра, озабоченного возможностью сокращений бюджета его ведомства и стремящегося предотвратить дальнейшие покушения на этот бюджет. Они тем более впечатляют, что Шеварднадзе всегда был самым ревностным сторонником трансформации принятия решений по международной политике на базе системы ограничителей и противовесов. Уже одно то, что он стал возражать против следствий этой системы, возможно, показывает, что она начинает действовать. Несомненно, во всяком случае, что официальные бюджетные ассигнования на иностранную помощь в 1990 г. были заметно урезаны - с 12 млрд. до 9,7 млрд. рублей. Можно задавать вопрос, что именно означают эти цифры, но все-таки советское руководство решило разрекламировать сокращения по этой статье бюджета, и министр иностранных дел высказал публичные сожаления по этому поводу. С тех пор внимание законодателей к этим вопросам уже не ослабевало. В марте Министерство финансов в ответ на запрос депутатов впервые опубликовало данные о задолженности стран третьего мира Советскому Союзу, признав, что многие из этих долгов никогда не будут возвращены. Очевидно, вследствие пристального общественного внимания и критики помощь иностранным государствам предстает все менее оправданной.

Репутация и самоуважение

Пытаясь заново сформулировать национальные интересы,

советские официальные лица и реформаторы громко заявляют о своем уважении к международному общественному мнению. Как сказал своим сотрудникам два года назад Шеварднадзе, Советский Союз не может делать вид, что нормы допустимого, того, что в мировом сообществе принято называть цивилизованным поведением, его не касаются. Если страна хочет быть частью этого сообщества, она, по словам Шеварднадзе, должна эти нормы соблюдать. Это привело к расширению круга лиц, за которыми признается право участвовать в определении советских национальных интересов. Сейчас он включает не только людей из слоев советского общества, мнение которых прежде не принималось в расчет, - влияние на осмысление национальных интересов этой страны стали оказывать деятели, институты и нормы внешнего мира.

Готовность считаться с зарубежными авторитетами - побочный эффект того, что часто характеризуется как советская кампания по "лишению Запада его врага". Не подлежит сомнению, что негативный образ Советского Союза способствовал упрочению западной политики периода "холодной войны". Но преодоление этого образа оказывается сдерживающим фактором не только для Запада, но и для самого СССР. С точки зрения Шеварднадзе, репутация страны является важной компонентой государственных интересов и национальной безопасности. А забота о репутации неизбежно ограничивает свободу действий.

Не существует единого мнения, чем именно важна международная респектабельность. Некоторые авторы и официальные представители полагают, что репутация прежде всего имеет инструментальную ценность: ее наличие делает советскую дипломатию более эффективной. В духе этой концепции, Вячеслав Дашичев и другие исследователи утверждают, что чистки 30-х годов столь "очернили" образ Советского Союза, что для Запада союз с ним против Гитлера казался невозможным. Андрей Козырев из советского МИДа связывает "доверие" с эффективностью усилий, направленных на достижение работоспособного "баланса интересов":

правительство, пользующееся доверием других государств, в состоянии убедить их умерить свои претензии и решать возникающие споры на компромиссной основе.

Когда советские реформисты акцентируют важность уважения к общественному мнению за рубежом, они надеются при этом на облегчение их задач и дома. Один из заместителей Шеварднадзе Анатолий Адамишин писал в "Московских новостях", что важной частью процесса реформ внутри Советского Союза является опора на правовые традиции Запада. Советский Союз, по Адамишину, не должен ничего изобретать - он может взять уже существующие нормы и в случае надобности привести их в соответствие с советской действительностью, поскольку на Западе эти нормы разрабатывались с большим вниманием и тщательностью.

В отчете МИДа Верховному совету за 1989 г. показано, как внешние обязательства становятся фактором внутренней политики. Там выражается сожаление, что новые законодательные органы все еще не выполнили годичной давности обещание Горбачева Организации Объединенных Наций относительно принятия новых законов о религии и свободе печати. В отчете представлен также перечень международно признанных прав человека, еще не зафиксированных в советских законах, и высказывается разочарование по поводу того, что обещания улучшить защиту окружающей среды и исправить накладки в психиатрии все еще не выполнены. В этом документе, как и во многих других, апелляция к международным стандартам используется для воздействия на внутренние дебаты. Когда весной 1990 г. Верховный совет рассматривал проект нового закона о въезде и выезде, организатор кампании в поддержку этого закона Федор Бурлацкий заявил, что его принятие повысит "престиж" Советского Союза.

Не только стремление увеличить эффективность дипломатии и ускорить внутренние реформы стимулирует готовность СССР учитывать мнение международного сообщества - у этой тенденции есть еще один аспект, который

более, нежели прочие, раскрывает ее суть. Шеварднадзе в своей уже многократно упоминавшейся здесь речи в 1988 г. перед сотрудниками МИДа счел нужным особо остановиться на том, что кое-кто в СССР опасался излишнего, по мнению сторонников этой точки зрения, внимания, которое стали ныне уделять мнениям иностранцев о советских делах. Если учесть советские традиции, его реакция была поистине изумляющей: как он сказал, от этого зависит наше самоуважение.

Ученые и дипломаты Запада давно говорят о советском комплексе неполноценности, прорастающем из нищенского жизненного уровня в стране, из стыда за жестокости сталинизма и неловкости за нелепые ритуалы идеологизированного общества. При нечеткости этого анализа он все же достаточно правдоподобен, но тем не менее, при его оценке нельзя не принимать во внимание советские претензии на создание полностью новой культуры и высшей морали. Если самоуважение "нового советского человека" как-то зависело от одобрения иностранцев, он в этом никогда не признавался. Советская пропаганда вновь и вновь разглагольствовала о "громадном престиже" Советского Союза во всем мире, и это самовосхваление было весьма далеко от признания, что в своих оценках Москва исходит из зарубежных критериев. Сами эти утверждения об исключительно высокой советской репутации (за которыми обычно следовало уточнение вроде "в глазах всего миролюбивого человечества") означали ни что иное как отпор Западу.

Сейчас этой психологической автаркии нет - она рухнула. Возможно, риторика относительно "общечеловеческих ценностей", предложившая новый кое-кого воодушевляющий универсализм вместо старого универсализма, несколько смягчила удар. По этой причине Горбачева раздражают разговоры о "западных ценностях", и поэтому он, как сообщалось, во время встречи с президентом Бушем у берегов Мальты потратил много времени, убеждая своего партнера, что идеи такого рода изначально принадлежат всему человечеству, а отнюдь не только Западу.

Но если оставить в стороне подобные протесты, придется все же признать, что происходящий сейчас в Советском Союзе широкий пересмотр национальных интересов сопровождается ростом уважения к мнениям извне. Убеждение, что Советский Союз может существовать, руководствуясь лишь своим моральным стандартом, сегодня имеет не больше поддержки, чем вера, что он и впредь будет военной сверхдержавой. Согласно Андрею Кортуну, "тема покаяния" должна занять свое место в советской внешней политике. Как писал в прошлом году в "Литературной газете" Николай Попов, советские люди должны научиться видеть себя со стороны.

Усилия такого рода по-своему ранят гордость, но их защитники подчеркивают их положительную сторону. Более всех здесь оптимистичен Шеварднадзе. В своей речи в ООН осенью 1989 г. он вновь описал прогресс в советской внешней политике в терминах самоуважения: по его словам, теперь Советский Союз на международной арене чувствует себя уверенней, чем когда-либо в прошлом.

Голлистская альтернатива Горбачева

До сих пор поиски формулы советских национальных интересов велись преимущественно по методу исключения: не в национальных интересах все то, что слишком дорого стоит, что порождает слишком рискованные ситуации или ведет к чрезмерной конфронтации; принятие решений в обстановке секретности; ослабление советского престижа, что бы ни попадало в эти категории. Для советского гражданина было бы простительным спросить, не сосредоточились ли руководители его страны на идее национального интереса лишь для того, чтобы обнаружить отсутствие у них такового?

Конечно, этот же термин использовался и используется по принципу исключения и в других странах. Несмотря на его сродство с концепцией "реальной" политики, "национальный интерес" зачастую оказывается трубным зовом скептического почти-изоляционизма, задающего по поводу любых событий в других местах вопрос: какое ему до них дело? Многие

использующие этот термин в ведущих в Америке спорах тоже делают это для ограничения выхода за рамки их оценок американских возможностей.¹¹

Однако тот факт, что строго минималистская политика имеет своих приверженцев как в Соединенных Штатах, так и в Советском Союзе, не делает ее в равной мере привлекательной в обеих странах. Американцы, рассматривая возможность уменьшения собственной роли в мире, не испытывают при этом горечи поражения, в то время как послужной список советской внешней политики за несколько последних лет делает обсуждение национальных интересов чем-то вроде неубедительной попытки замаскировать ее плохонькие итоги.

Это допущение подтверждается речью советского посла в Польше Бровикова (бывшего аппаратчика, сосланного в дипломатическое изгнание) на февральском пленуме Центрального Комитета КПСС в 1990 г.: "И довели ее, матушку нашу, до плохого состояния, превратили из державы, которой восхищались в мире, в государство с ошибочным прошлым, безрадостным настоящим и неопределенным будущим... Мы же стараемся подавать все это как головокружительный успех перестройки, нового мышления в международных делах".¹²

Этой тираде Бровикова не следует придавать слишком большое значение. Судя по всему, он не был рупором организованного сопротивления политике Горбачева за рубежом (позднее он лишился поста). Но все-таки он явно говорил не только от собственного имени. Аналогичные lamentации приходится слышать от представителей многих других институтов советской системы. Например, высшее военное руководство постоянно предупреждает о внешней военной угрозе Советскому Союзу. Александр Проханов - писатель, близкий к военным кругам, охарактеризовал в "Литературной России" воздействие "нового мышления" как пренебрежение интересами социалистического государства и удовлетворение амбиций империалистических олигархий. Как он пишет, этот эффект оказался особенно разрушительным в третьем мире. Слабый и ушедший из других регионов земного

шара Советский Союз не может, считает Проханов, сдерживать экспансию буржуазных империй.

В период отступления обеспечение поддержки национальных интересов дел не легкое, и оно еще осложняется чрезмерным пиететом либеральных реформистов перед воззрениями за рубежом. Отсюда жалобы, высказывавшиеся и на февральском пленуме, относительно заигрывания с давними противниками, такими как папа Иоанн-Павел II. Многие обеспокоенные этой тенденцией (а это отнюдь не только коммунисты из старой гвардии) концентрируют внимание на внутренних последствиях снижающегося статуса Советского Союза. В появившемся в прошлом году манифесте русской националистической фракции Съезда народных депутатов содержались жалобы на "уменьшение среди нашей молодежи великодержавного патриотизма".¹³

Проблемы порождаются даже тем расширением плюрализма, который благодаря Горбачеву сопровождает сегодня принятие решений по внешней политике. На Ближнем Востоке и в Центральной Европе, в двух регионах, занимающих в советских внешнеполитических расчетах особое место, открытость споров и наличие общественного мнения часто выглядят как факторы стеснения, а не усиления гибкости советской политики. Советско-израильское сближение осложняется враждебностью к Израилю как русских националистов, так и исламских фундаменталистов, которую сейчас им ничто не мешает открыто демонстрировать. Подобным же образом позиции Москвы в германском вопросе были подорваны самозванными "советниками Горбачева", доверительно сообщившими западным журналистам, что Москва лишь для вида демонстрирует жесткость в отношении будущего Германии.¹⁴

Наблюдая все это, многие на Западе начинают сомневаться в стабильности советской концепции национального интереса, столь тесно ассоциирующейся с неудачами. Сам термин "национальный интерес" оказался маленькой риторической уловкой, пущенной Горбачевым и Шеварднадзе в оборот с

целью представить сильной и национально ориентированной программу советских реформистов, которая на деле является попыткой мягкой адаптации к современным внешнеполитическим реалиям. На Западе такую программу назвали бы либеральной и интернационалистской в связи с ее антиимперскими и антимилитаристскими тенденциями, признанием торговли выше политики и склонностью подчинить отдельные государства наднациональным структурам. Поскольку эта программа непопулярна всюду, где силен национализм, и поскольку Советский Союз еще не скоро сможет извлекать преимущества из интеграции в подобный мировой порядок, есть все основания задуматься об отходе от нее советской политики в недалеком будущем. Если Горбачев играет сейчас роль Картера, не будет ли кто-то, в конце концов, действовать в духе Рейгана? Если сегодня мы имеем дело с веймарской Россией, сколько должно пройти времени, чтобы на сцену вышли национал-большевики?

Однако эти аналогии - Америка 1980-х годов, Германия 1930-х - предполагают возрождение национального могущества, что в данном случае трудно предположить. Несмотря на большую безработицу, Веймарская Республика в 1930 г. обладала самой мощной в Европе экономикой; после вьетнамской Америка по объемам экономики занимала первое место в мире, несмотря на инфляцию и зависимость от внешних источников энергии. В обоих случаях лидеры нации, стремившиеся проводить более амбициозную и менее компромиссную политику по отношению к окружающему миру, имели в своем распоряжении вполне достаточно ресурсов.

Напротив, перед Советским Союзом маячит длинная череда нелегких лет. Поэтому вряд ли стоит задаваться вопросом, не испытают ли советские руководители искушения отбросить ограничения, характерные для внешней политики Горбачева, если бы все их проблемы могли быть таким путем решены. Подобным образом их не решить, и в Советском Союзе сегодня это понимают люди самых разных политических воззрений. Когда с замкнутостью советской системы было покончено, на поверхность всплыл экстремизм разного рода, но - и это

чрезвычайно важно! - без всяких территориальных претензий. Напротив, в Германии веймарского периода такие претензии заявляли буквально все, и споры о внешней политике сводились к тому, какими именно способами можно сбросить оковы версальского урегулирования. Нужно ли это вообще делать? - такого вопроса не задавал никто.

Представляется почти несомненным, что в Советском Союзе будут продолжаться поиски формулы национальных интересов в попытках выхода из нынешних затруднений и облегчения адаптации к более скромной международной роли этой страны. Доминирующий пока что в дебатах о советских национальных интересах либеральный аккомодационизм - один из вариантов подобных поисков. Но существуют ли какие-то иные альтернативы, лучше соответствующие нуждам послеимперской державы среднего ранга, не требующие отвлечения нужных где-то еще ресурсов? Одну такую альтернативу предлагает история - это голлизм. Для Франции 50-х - 60-х годов голлизм был попыткой замедлить скорость утраты международного влияния, отделить дипломатию от внутривнутриполитических неурядиц и использовать национальную гордость как основу суверенитета. Эти ориентиры имеют очевидное отношение к редуцированным национальным интересам Советского Союза - минимализму, явно лишаящему Москву ее былой роли; плюрализму, из-за которого ее политика кажется несогласованной и неуверенной, и зависимости от одобрения извне, для многих мало приятной. Для исправления этих недостатков Советский Союз может двинуться к "вынужденному голлизму", как Фритц Штерн десять лет назад назвал "осуществляющуюся под прессом обстоятельств импровизированную адаптацию к неблагоприятным условиям".¹⁵

Уже сейчас кое-кто в Советском Союзе пробует усомниться в одной из самых священных догм "нового мышления" - идее уничтожения ядерного оружия. Влиятельный советский обозреватель Сергей Караганов писал в "Московских новостях" об "определенном временном увеличении нашей психологической, но, конечно, не военной опоры на ядерный

фактор нашей безопасности". Есть и другие высказывания в том же духе. Хотя никто покамест открыто не оспаривает идею свободного от ядерного оружия мира, выражение таких сомнений заставляет задуматься. Оно знаменует попытку продумать последствия краха военной роли СССР в Центральной Европе. Судя повсему, либеральные реформаторы и военные стратеги приходят к одному и тому же выводу. Для либералов ядерное вооружение может быть ключом к уменьшению численности армии, а тем самым и ее внутренне-политического влияния. Для военных это оружие смягчает потерю превосходства над Западом в области обычных вооружений. Оно обеспечивает наличие той ударной силы, в которой нуждается любая отстающая средняя держава.

Голлистская дипломатия наводит на мысль о других образцах, которым может следовать Советский Союз. Французские ресурсы допускали лишь слабый вызов системе восточного и западного союзов, но де Голль и вправду смог несколько улучшить свои дипломатические позиции, благодаря особым отношениям с Бонном и Москвой. Хотя уход из Алжира означал необратимый конец империи, тем не менее французские лидеры обеспечили себе сохранение какой-то роли в третьем мире, особенно во франкоязычной Африке.

Советский голлизм представлял бы собой аналогичную попытку добиться политических преимуществ хотя бы периферийного характера, на большее Москва не может надеяться. Особые взаимоотношения с Германией не дают каких-либо реальных перспектив, которые заменили бы последней куда более важные для нее связи с США, но дополнили бы довольно слабые гарантии безопасности, только и могущие, как сейчас кажется вероятным, проистечь из общеевропейских переговоров, к которым стремятся советские официальные лица, как они сами утверждают. Существенно сократившееся советское присутствие в третьем мире тоже имеет под собой очень немного стратегических оснований, но оно символизировало бы те типичные идеологические обязательства, которые в оборонительном духе были упомянуты в инаугурационном выступлении Горбачева:

*«Политика нового мышления отнюдь не означает охлаждения нашего интереса к развивающимся странам. Неизменна наша солидарность с теми, кто борется за равное право, за социальный прогресс, демократию и достойную человека жизнь».*¹⁸

Де Голль раздражал своих партнеров. Горбачевские же считают его очаровательным, но некоторая доза эгоистичного голлистского аморализма может изменить эту оценку. Нынешний советский энтузиазм относительно многостороннего решения проблем (силы ООН по сохранению мира, определяемые на переговорах лимиты экспорта вооружений и т.п.) может встать перед теми же искушениями, которые привели Францию к помощи израильским программам в области ядерных вооружений. Остро нуждающийся в финансовых ресурсах и сокращающий расходы на оборону Советский Союз будет иметь аналогичные голлистским причины увеличивать приносящие твердую валюту поставки оружия в страны третьего мира.

Французский голлизм в одинаковой мере влиял как на содержание политики, так и на формы ее проведения. Для запутанной многопартийной политической системы приход де Голля означал президентское руководство. Теперь, когда Горбачев создал такой же пост для себя (что оправдывалось частыми ссылками на французский образец), вскоре проявится, действительно ли он намерен сделать открытыми учреждения, отвечающие за внешнюю и военную политику. Сейчас на Западе многие эксперты приходят к выводу о росте политического влияния советских военных кругов; это должно означать, что Горбачев как президент будет избегать конфронтации с генералами и прикрывать их от антивоенных настроений прессы и законодательных органов. Однако выступление Горбачева при вступлении в должность президента - свидетельство обратного. Он решительно утверждал, что настало время для глубокой военной реформы. Это позволяет предположить, что Горбачев готовит еще один выпад против военного руководства. (Напомню, что де Голль на некоторое время получил чрезвычайные полномочия,

которые он использовал для подавления военного заговора и преодоления его последствий.)

Из многих целей голлизма одна может оказаться для Горбачева наиболее сложной - утверждение национальной гордости. Советские усилия по завоеванию международной респектабельности оказались в высшей степени успешными, но внутри страны этот аспект внешней политики наименее популярен. Возможно, как раз по этой причине уже появились первые признаки, что советская политика стремится приобрести более привлекательную националистическую окраску, прежде всего посредством назначения в Президентский совет деятелей, популярных в русском националистическом движении.

Независимо от устойчивости этой тенденции привязывание к внешней политике патриотизма безусловно стало бы самой тяжелой задачей при создании работоспособного советского голлизма. Многонациональный характер советского государства сам по себе еще не означает невозможности согласованной системы национальных интересов, но он делает чрезвычайно трудным поощрение защиты этих интересов с помощью апелляции к национальной гордости. В таком случае Горбачев может оказаться перед необходимостью избрать, вновь пользуясь выражением Фритца Штерна, голлизм "без величия" - эта формула, во всяком случае, много ближе к тому революционному повороту, который он произвел в советской политической жизни. Он пытался и пытается преодолеть прошлое, вызывающее страх и ненависть, а не вызвать дух былого величия; в его намерения входит отрицание, а не утверждение особой роли его страны в мировых делах.

Всем известны слова Черчилля: "Я не могу делать предсказаний относительно поведения России. Это головоломка, состоящая из загадки, обернутой в тайну". Но вряд ли кто-нибудь помнит следовавшую за этим фразой: "Но, возможно, имеется и ключ - это русские национальные интересы".

Для Черчилля, как и для многих других, "национальные интересы" это нечто постоянное. Опираясь на них, политик может управлять событиями. В своей основе национальные интересы исходят из географии данной нации, ее истории, а также из конкуренции внутри международной системы. Национальные интересы диктуют умеренность (поскольку чрезмерная приверженность идеологическим или личным целям может создать ситуацию риска для нации) и уверенность в себе (поскольку любые проявления слабости могут поставить под угрозу безопасность нации). Если эти рассуждения использовать для прогнозирования советского поведения, то они подскажут, что Москва, вероятно, не пойдет на чрезмерный риск ради мировой революции, но что нет и особых надежд на окончание соперничества между Востоком и Западом. Императив империи слишком уж велик.

"Национальные интересы" при новых советских руководителях утратили объективный характер и кажущееся постоянство. Обнаруженное Горбачевым, Шеварднадзе и их коллегами под руинами ленинизма отнюдь не было пальмерстоновским мандатом на сохранение глобальных позиций Советского Союза любой ценой. Они убедились, что пересмотр их внешнеполитической стратегии может быть столь же радикальным, как и их внутренние реформы, и что на деле первое неотделимо от второго. "Национальные интересы" могут стать ключом, но это ключ, который они делают и переделывают сами.

Перевод Алексея Левина

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Имеется в виду научно-практическая конференция "XIX Всесоюзная конференция КПСС: внешняя политика и дипломатия", проходившая 25-27 июля 1988 г. в МИД СССР.
- 2 "Вестник Министерства иностранных дел СССР", 15 августа 1988 г., стр. 27-46.
- 3 Например, ответственный работник ЦК Вадим Загладин выдвинул интригующую идею, что общечеловеческие ценности "диалектически" связаны со всеми прочими ценностями и интересами. Другими словами, в чем-то первые тождественны вторым, а в конечном счете общечеловеческие ценности будут заменены чем-то совершенно новым.
- 4 Следует отметить, что это не просто интеллектуальные упражнения вольнолюбивых советских интеллигентов, извлекающих из гласности максимальную пользу для себя. Участники подобных дискуссий включают членов Политбюро и сотрудников Министерства иностранных дел, равно как и более привычных "политических интеллектуалов".
- 5 Козырев, Андрей. Доверие и баланс интересов. "Международная жизнь", октябрь 1988, стр. 3-12.
- 6 "Коммунист" 1989, № 13, стр., 120.
- 7 "Правда", 17 февраля 1990 г.
- 8 "Коммунист", 1989, № 13, стр. 123.
- 9 "Неделя", 1989, № 8, стр. 13.
- 10 Армия для страны или страна для армии? "Огонек" № 5, 1990, стр. 4.
- 11 Чарльз Уильямс Мэйнс использует этот термин в статье

"Америка без холодной войны", опубликованной в весеннем выпуске журнала "Foreign Policy" за 1990 г. С его точки зрения, основанная на строгом соблюдении национальных интересов политика (это не то, что он сам предпочитает) резко ограничила бы американское участие в большинстве мировых дел.

¹² "Правда", 7 февраля 1990 г., стр. 2.

¹³ Bill Keller. Russian Nationalists: Yearning for an Iron Hand, "New York Times Magazine" 6 January 28, 1990, p. 50.

¹⁴ Осознав последствия этого для советской позиции в переговорах, в апреле Министерство иностранных дел предприняло необычный шаг, объявив, что Вячеслав Дашичев, один из самых смелых советских комментаторов по германскому вопросу, не принимал участие в подготовке практической политики.

¹⁵ См. "Germany in a Semi-Gaullist Europe". Foreign Affairs 58 (Spring 1980), p. 873. Штерн имел в виду отход Западной Европы от позиций американского руководства в годы администрации президента Картера. Можно было бы привести аргументы, что его описание применимо даже к собственному голлизму де Голля.

¹⁶ "Правда", 16 марта 1990 г., стр. 2.